

Владимир Ручкин

ПИСЬМА С МАРСА

Часть 1. Часть 2.

Владимир Ручкин

Письма с Марса. Часть 1. Часть 2

«Издательские решения»

Ручкин В. Г.

Письма с Марса. Часть 1. Часть 2 / В. Г. Ручкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830258-9

Эта книга своеобразный литературный «пазл». Здесь личное переплелось с фантастическим и невозможным настолько, что реальность отошла на второй план. Москва. 1999–2016 гг.

ISBN 978-5-44-830258-9

© Ручкин В. Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Кришнаит	6
Письма из «шкатулки»	11
Письмо	12
Обрывок дневника	15
Из дневников отца Алипия	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Письма с Марса
Часть 1. Часть 2
Владимир Ручкин

© Владимир Ручкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Предисловие автора.

Это был какой-то странный толстый том, вручную прошитый толстыми просмоленными инурами. Скрепленные в одну книгу, листы рукописей, письма и дневники, просто ветхие листы, рисунки, гравюры и наброски вызывали недоумение.

Зачем было их крепить в таком порядке? А скреплено было «намертво».

Все эти части при беглом прочтении, по смыслу никак не стыковались, хотя и были приклеены закладки с пометками от руки: «Если нет противоядия, пейте яд» – даты, просто числа. Но что они значили? Бог весть.

Вероятно, для человека, расположившего все это в таком порядке, они имели смысл. Нечто напоминающее икатулку с любимыми вещами... литературную икатулку. А, возможно, эта «икатулка» побывала во многих руках? Кто знает.

Праздное любопытство сменилось приятным времяпрепровождением, и с тех пор их чтение служит мне источником утешения. Я даже стал находить смысл в этом хаосе. Когда появлялось свободное время, я пытался привести в систему этот «литературный склад» и понемногу перепечатывал текст. Те места, которые находили во мне отклик... Так, для себя...

Кришнаит

...бывший кришнаит Дхармарадж – дас двигался по Москве походным шагом, оставляя за собой мокрые следы давно изношенных и треснувших кед. Темные пятна неизвестного происхождения на выгоревшей куртке с белым налетом соли по швам говорили о том, что он не первый день в пути. Есть хотелось до боли в желудке, голова кружилась, мысли приходили всякие и по большей части несуразные. За спиной висел тощий рюкзак, который он «реквизировал» еще в больнице Новосибирска. В нем, завернутые в полиэтилен и обмотанные грубой веревкой, лежали листы писем и дневников, которые он унес из разгромленного «ашрама». Этот сверток привез кто-то из Индии, да так и оставил и больше не объявился.

Давно и по несколько раз перечитанные, запомнившиеся наизусть фрагменты отдавали какой-то тоской по нереальному, невозможному миру.

Он все-таки дошел. Итак, паспорт был надежно упрятан, а саперная лопатка и нож выброшены на подступах к Первопрестольной. Ему не нужны были неприятности при встрече со слугами бога Мары. Столица Московии встречала хмурым, дождь со снегом, лицом. После бегства из больницы Новосибирска оставаться в городе было опасно. И «преданные» посоветовали уехать из города, скрыться на время. Ну да ладно, ведь жив остался. После нападения «бандитов» и разгрома ашрама, очутился он с кое-как залеченной раной на голове, без денег, без помощи на улице.

Добираться до Москвы было трудно и голодно, но он приспособился, притерпелся. В пути многое было осмысленно. Осталась ли вера? Это был трудный вопрос, именно что трудный. Но он был решен окончательно.

Сейчас он смотрел на мир другими глазами. Не «преданный», обвешанный амулетами и в одежде санньясина, сшитой из застиранной простыни, а просто путник, лишенный всего. Лишенный дома, родных, друзей... Мог ли он сам решиться на подобное? Нет, никогда.

По своей воле идти на страдания и к концу жизни обрести не душевный покой, а нищету и презрение окружающих? Да кто же пойдет по этому пути сознательно, добровольно?

Иногда он бормотал что-то по привычке, обретенной на этой длинной дороге. Это были монологи неизвестно с кем или рассуждения неизвестно о чем. Временами он как бы встряхивался и осознавал, что очень слаб. Очень слаб потому, что не ел уже четыре дня. И, что хуже всего, наваливалось на него нечто невыносимое, что терзало душу. Он чувствовал себя, то путником – изгоем, наказанным несправедливым судом «polis» и изгнанным из пределов привычной жизни, то матросом, выпавшим за борт судна и ожидающим смерти.

Он, то возвращался к привычной реальности, то опускался в неизведанные глубины подсознания. И тогда он терял всякое представление о том, что с ним, кто он такой. Он как бы входил через ворота в пространство, где мир был заселен странными существами. И один взгляд на них говорил, что эти красивые существа, интеллект которых намного превосходит человеческий, не равные ему. Он был чужд им с его мелочными желаниями и никчемными мыслями. Как же жалок он был в попытках заговорить с ними. Нет, не неприятие с их стороны, а холодное «ничто» было ответом. Он двигался дальше, в другой мир и ему казалось, что он идет по своей воле. Но большое «что-то» мягко и настойчиво сажало его на берег реки. Он брал в руки удочку, бросал леску с поплавком подальше и, вдруг, оказывался в другом мире. В центре этого мира было огромное и высокое здание. Здесь были большие аудитории или классы, в которых его ровесники, обсуждали что-то очень важное. И он, один из них, тоже излагал свои мысли, свои теории, какие-то сложные математические схемы. И на душе было радостно – что вот все они едины душой и делают огромное и важное дело. Что это друзья, братья, сестры навсегда, на все времена. Он даже мог передавать им мысленно свою любовь, доброту и радость. Но выйдя в коридор, он потерял эти аудитории и классы. Он принимался их искать, но не находил. Бродил в каких-то серых гостиничных номерах или комнатах грязного общежития. Он искал, но не находил. Наконец, вышел из здания, но снаружи оно было серым и грязным пятиэтажным корпусом. Все было потеряно. Он повернул голову направо и увидел город весь залитый солнечным светом, весь в зелени парков. И радостно вспомнил, что жил когда-то здесь и есть у него дом в этом городе. Он отправился искать этот дом и нашел его, но это был уже не его дом. В нем были какие-то незнакомые люди, которые говорили ему,

– Уходи, ты живешь в другом месте, – и он шел, мучительно вспоминая подробности, приметы по которым можно его найти. Поиск превращался в наваждение. Куда бы он ни шел, это был не его дом. Тоска, тоска и безысходность постепенно охватывали его.

– Что же, мне так и скитаться?

Он подошел к вокзалу, и какая-то другая память вдруг подсказывала – этот вокзал он уже видел.

– Да, не просто видел, а я приехал сюда издалека из каких-то других городов другой страны! – говорил он себе.

И вспоминал эпизоды приезда, попутчиков в вагоне, все вплоть до мельчайших подробностей. А правее, почти рядом был другой вокзал, с которого он пытался уехать, да так и не уехал. А если подниматься вверх, то начинался большой город. И еще были трамвайные пути, ведущие на северо-восток. И был двухэтажный дом его бабушки. Огород, сразу переходящий в степь. И скифские курганы, которые тянулись цепочкой вдоль большой реки, а дальше крепость, давно заброшенная...

Снова и снова он возвращался в реальность – тусклую, тягостную. Спасала только злоба – она была его опорой. Много ее, много злобного презрения накопилось в душе ко всем и всему.

И он уже не обращал внимания ни на смех девушек за своей спиной ни на удивленно брезгливые взгляды прохожих.

... Сначала его занесло на Старый Арбат, где торговали, веселились, «втихую» пили портвейн. Кто-то играл на гитаре, кто-то собирал деньги в фонд «Озеленения Луны». Он подошел к группе, где играли на гитаре, стал вслушиваться в текст. Пели на английском:

- «Я буду строить баррикады на Марсе,
- Потому, что там никого нет,
- Я буду строить баррикады, чтобы воевать с самим собой.
- Баррикады против себя, чтобы воевать с самим собой.
- И когда я стану победителем,
- Я превращусь в марсианскую пыль.
- И останутся только баррикады, памятники битвы,
- Памятники в честь битвы с самим собой, исход которой предрешен...»

Он шел дальше... Порой принимался считать. Считать, сколько домов он прошел, сколько подъездов, сколько окон. Потом бросал это занятие и снова начинал бормотать.

Звонок проходящего трамвая ударил коротко и звонко, как будто резко провели гвоздем по жести. Он вздрогнул и огляделся. Слишком уж ослабели нервы за последнее время, отметил про себя. А главное, на душе было грязно и сумрачно.

То, чего он опасался больше всего – чувство бесконечного отвращения к себе, которое начинало давить его сердце и душу, окончательно захлестнуло его. Он уже не знал, куда деться от него.

Оглядевшись, заметил, что стоит подле чебуречной, в которой продавали всякую всячину и спиртное. Здесь же народ распивал зелье и закусывал.

Раздражение все более охватывало его. Украсть, хотя бы что-нибудь или вырвать пирожок из рук девушки, вон той, что стоит у киоска.

- Что это я, о чем?

Вдруг, он как бы очнулся и увидел, что смотрит на девушку, смотрит, как она ест, смотрит ей в лицо.

- Нет, что это со мной?

Пошел дальше и бессильно опустился на скамейку. Идти некуда, есть хочется. А надо продолжать идти дальше, искать ночлег и еду.

Присел кто-то рядом.

- Есть хочешь?

Это та девчонка, что стояла у киоска.

Ничего он ей не ответил. Злоба, злоба и раздражение на весь свет так и рвала его в клочья. Как будто стая диких собак напала на него, но некуда бежать, нечем отбиваться.

- Да возьми, я не хочу уже...
- Нет! – Сказал он и даже не поглядел в ее сторону.
- Возьми, ты же голоден...
- Послушай, благодетельница, я тебя о чем-то прошу? Процедил он сквозь зубы.
- Я же помочь хочу...
- Не нужна мне твоя помощь и ничего мне не нужно! Отстань!

Встала, потопталась немного и ушла.

Нужно было идти дальше. Какое-то кафе показалось впереди, и он прибодрился. Сейчас надо было зайти с черного хода, и незаметно вытащить что-либо из контейнера с отходами. В тартарары стыд и гордость!

В это время открылась дверь и толстый инородец закричал —

- Эй, зачем пиришол? Зачем как собак кушат? Иды!
- Милис визиват будэм!

Но это уж слишком! – подумал он, что за сила меня гнобит и преследует неудачами – окончательно в угол загнала! Эта неудача ввергла его в шок, и вдруг...

– Олло первогидырь, – вдруг пронеслось в голове, – Дигирь худо оно...

Что это? О чем это? Ах, да это же из «Хожения за три моря», которое он знал почти наизусть.

Сначала, он говорил медленно и тихо, вспоминая, но потом голос перешел на высокие ноты, —

– Исса рухолло, аликсолом. Олло акбарь. Ла илягиля илл Олло. Олло переводигерь. Ахамду лилло, шукуръ худо афатад. Бисмилнаги рахамм ррагым. Хуво мугу лязи, ля иляга ильля гуя алимул гяйби ва шагадати. Хуа рахману рагыму, хуво могу лязи.

В конце «речи» он ткнул указательный пальцем в небо и, путая, недоговаривая имена Аллаха, выдал на одном дыхании,

– Альбарьюу, альмусавирю, алькафару, алькахару, альвахаду, альразаку, альфаиагу, аль-алиму, алькабиру, альбасуту, альхафизу, альррафию, альмавифу, альмузилю, альсемию, аль-васирю, алькааму, альадьюлю, альятуфу!»

Иноходец ошалел,

– Э-э, постой брат, зачем обижат! Зачем на мой голов Аллах зват? Сечас вынесет Рахым...

Сумка была не легкая. Аллах не обидел. Вот теперь и на вокзал, пересидеть до полуночи, а потом найти подъезд с открытым люком на чердак и выспаться. Пройдя еще немного, свернул с Проспекта Мира и стал спускаться вниз. Внезапно, ему послышалось, что его окликнули, и он остановился. Потом решил что почудилось, и продолжил свой путь...

– Рома! – Снова зазвенело в ушах. Да что за наваждение, опять этот голос.

Вдруг заметил у подъезда дома какую-то «возню». Это три «пацана» взяли на «гоп-стоп» какую-то девчонку.

Пройти бы мимо – глаза в землю но, ноги не послушались головы. Не хотели ноги проходить мимо такого мерзопакостного действия.

– Эй, вы, девчонку не трогайте!..

... очнулся бывший кришнаит на асфальте.

– Ой, ты как? – девчонка рядом суетится.

– Мне бы встать.

– Я сейчас, я сейчас, – Все-таки прислонила его спиной к стене дома.

Он огляделся – вокруг валяются «дары» Рахыма и пахнет алкоголем.

– Ну, вот и выпил и закусил, – подумал.

– Подними меня. —

С трудом поднялся и, сделав шаг вперед, провалился вниз и влево, в черную пустоту.

Затем очень долго шел по темному тоннелю или коридору – не понять. Стены, на ощупь, были шершавые и неприятные. Вдруг, забрезжил свет впереди. Он подошел ближе и увидел внизу у костра людей в одежде дервишей. Они о чем-то говорили, не спеша, медленно, составляя акценты.

– ...нет веры, которая бы не вела к заблуждениям.

– И каждый святости примеры ищет в ней...

– Двойственность миров, вот в чем причина, уважаемый Йогуртчу Баба.

– Как Вы думаете, уважаемый, куда ведет наш путь?

– Крепость называют Кызыл-таш – Красный камень...

... Запах нашатырного спирта резко ударил в нос, он очнулся в незнакомой комнате.

– ...только на Ваше усмотрение, Елизавета Иоанновна, только на Ваше усмотрение.

И никаких резких движений. Никаких «встану, пойду», вообще никаких телодвижений. Зайду через два дня.

– Куда это меня забросило? – подумал он.

– Где дервиши? – спросил тихо.

– Какие дервиши? – и появилось лицо той самой девчонки.

– Те, которые тебя побили?

Ах, вот оно что! Что это она от меня не отвяжется, все дороги перекрыла...

– Мне на вокзал надо, – он пошевелился и хотел встать.

– Не двигаться, молодой человек! Лежите смирно, а то привяжем к кровати, – сказал другой голос...

– Да не пугайте его, бабушка, он в себя еще не пришел.

...на рассвете он несколько раз просыпался. Ему снилось, что он идет через скошенное поле и ему больно ступать по жнивью. Он возвращался назад и снова шел через поле – искал, где можно пройти...

Письма из «шкатулки»

Paris,

23 Avril.1975.

Mon préféré... Я много раз корить себя не отвечать. Все твои «искать русской души» можно дойти до аварии и депрессии. Ты приехал поздно, время Толстой и Достоевский были. Я надеюсь, что искренне жаль тебя.

У меня не было намерения, чтобы condamner. Страшный эксцессов и отсутствие понимания того, что ты делаешь. Но с мыслью уйти «aller dans les pays de l'Est que Hesse», обычно начинается catastrophe. Конечно, ты можешь игнорировать это.

Ты водитель авто, на горной дороге, закрыл глаза, не хочет видеть опасность. Ты сейчас aller au fond «в полном объеме»?

Vous ne vous souvenez? Ou est-ce une trahison?

...Далее, пишу я – Marie, сестра Cecil. Мне русский ближе, чем ей. Я очень рано стала разговаривать по русский. В детстве, меня называли fille – surprise», или по-русски «Сюрприз». Это в честь моей бабушки, она и занималась моим русским. Но вижу, что сюрприз не я.

Господин «монах» мы решили, что Вы сошли с ума. Это безоговорочный «диагноз», и не спорьте. Вы ее очень огорчили. Так хорошо начинать карьеру и вдруг... монастырь! Возможно, в этом замешана женщина? – femme impliquée? Какая игривая монашка покорила Ваше сердце?

...

Письмо (Автор не известен)

*Москва,
17 ноября. 1978.*

... тогда казалось, что жизнь прошла. Эти недолгие два года в монастыре сейчас кажутся сном, да всем чем угодно, но только не реальностью. Состояния полета души, прозрения, руководство Бога в любых поступках и понимание Его святой воли... были ли они? Там в монастыре я просил Его только об одном, помоги мне увидеть другой Мир!

Через два года я сидел на обочине дороги, и плакала от полного опустошения в душе. Я смотрел вдаль в ожидании автобуса и вдруг почувствовал, что нечто яркое, ослепительно-белое и сводящее с ума пришло в мое сознание. Это был Океан Смерти...

Меня выбросило в этот огромный Океан, огромный как бесконечное Нечто, где нет ни осознания его границ, ни мыслей, пытающихся найти привычные ориентиры. И еще был ужас бесконечности, ужас бесконечности страдания и мук. В нем все, начиная от огромных пространств миров, пожирающих друг друга и песком под ногами, было невыразимо зловеще и отталкивающе. Но потом «Это» сменило свой цвет, и пришла мысль, вернее осознание никчемности моей жизни...

Я вдруг увидел гору – Сумеру, причем, здесь понятия, гора и ее название были разделены, название, и объект не сочетались никаким образом. Их даже и невозможно было соединить. Было непонятно, что это такое и почему это так называется, но это была она, та гора... очень моя. И я видел тропинку, ведущую к ее вершине. Причем, чем внимательнее я вглядывался, тем отчетливее видел все детали. Вот куст, вот лист, упавший с него, вот камень и его трещины, и надпись на санскрите с четырех сторон. И я «понимал», как долго он лежал здесь, наверное, очень-очень долго. И кто пинал его и пытался сбросить с дороги. И все это я тоже «понимал», нет, не понимал а «видел». И я видел странника похожего на Христа или Будду, бредущего по пустыне... нет, наверное, это был я сам, бредущий среди гор и пустынь. И как тягостно было это путешествие. И какая-то мелодия была, мелодия без звуков...

Но «мелодия» сменилась огромным лесом, и каждое дерево имело свое имя. Собственно это не был лес, состоящий из деревьев, это было нечто из индивидуальных и не похожих друг на друга созданий ни по форме, ни по восприятию. И каждое имело свое имя! Представь себе, очень много имен – миллиарды!.. И единственное, что воспринималось, это имена – потому что суть каждого невозможно было постигнуть. Миллиарды и миллиарды имен – это было нечто непостижимое, и мой ум отказывался вмещать эту бесконечность имен. Я подходил к первому «дереву» и узнавал его имя, но стоило перейти к другому и имя предыдущего исчезало...

... жизнь моя воспринималась никчемной и пустой. Нет, уже не было так тягостно. Появился цвет или окрас «Всего», он был золотым с оттенками прекрасного фиолетового. Там было «Все» и не было «Ничего». Там не было любви, не было ненависти, там даже не было пустоты. Не было тягостно от воспоминаний о былых грехах, воображаемых наслаждениях, горького послевкусия старых ошибок и унижений, страхов, ненависти, желаний... Вселенная, преобразенная в худшую сторону?.. Вселенная, преобразенная в лучшую сторону?... нет, не было Ничего. И даже таких понятий, как Ничего, Ничто... не было. Казалось, нет, не казалось, а было! Жизнь, сотканная из мыслей, надежд, отчаяния и радостей, бессмысленных деланий и достижений. ... Вся моя жизнь это Ничто.

Не помню, сколько часов я просидел у этой «благословенной обочины».

Когда я вернулся в Москву домой, жизнь моя исказилась до неузнаваемости – друзей нет, потеряны связи с предыдущей жизнью и нет связи с новой. Смысл дальнейшего существования

казался бесцветным, безликим, но у меня появилась невидимая связующая нить с реальностью. Я не знаю, как это назвать, то ли поиск истины без ответа, то ли поиск ее с другой, недостижимой для нас высоты, где ответ непредсказуем... Это как пытаться «заглянуть» за зеркало; «echees roque?.. recherche vide?». А может просто я обрел дорогу, длинную и нескончаемую, где забыто само понимание конца и цели? И я стал понимать, что это дорога, всего-навсего просто дорога.

Не знаю идти мне по ней или свернуть при тех или иных обстоятельствах...

Как часто, садясь в автобус, поезд мы забываем о конечном пункте прибытия, просто глядим в окно...

Я перестал понимать людей, излагающих «генеральную линию» неизвестно кого и чего... От всех этих «старцев», пересказывающих себе и другим то, что недавно выучили наизусть, сводило зубы. Вся это словесная возня: «...А вот авва Силуан сказал то, а вот авва сказал это», вызывала гнев и неприятие. Так и хотелось воскликнуть: «Опомнитесь!.. да не вам он говорил это и не вы сидели у его ног. Неужели непонятно, что вы не испытывали и сотой доли тех мук и страданий, что они.

Мой поиск привел меня к мысли, что не стыкуется, ну никак не стыкуется тот, исторический опыт монашеского делания и реалии нашей жизни. Не принимает сердце, не хочет смирится с сегодняшним днем. Только не говорите мне, что в истории монашества решающее значение имеют жития.

Кто считает, что поиск Истины в Духе путь озарений, блаженства, путь радости и счастливых обретений, тот глубоко ошибается. Если тебе говорят это, знай – это вранье, вранье умышленное или основанное на заблуждении. Не было и не будет этого.

Но если ты взяла за основу Практику Делания, как образ жизни, то впереди у тебя не просто неприятные вещи, а встреча с Адом, Мировым Злом. Человеку придется столкнуться не с оккультными феноменами, а с оккультным миром, хотя эта трактовка очень общая, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не имеет значения – верующая ты или нет, христианка, буддистка, индуистка, атеистка; знаешь ты об этом или нет, хочешь ты этого или нет. Вопрос не в том, какие ступени ты проходишь и не в том, как ты их проходишь... Там есть много чего... и есть «Долина смерти», когда невозможно опереться на общедоступные понятия добра, зла, и где нет спасения от собственного ничтожества. И любовь «ближнего» протянет ли тебе руку?

И если раньше у тебя были встречи с испугом, страхом, то это ничто по сравнению с теми вещами, которые ты встретишь на пути Практики, точнее в ее начале. Что потом? Не знаю...

Был у меня такой яркий пример в монастыре – «Саша-художник» из Москвы. Влетел к нему через открытую форточку в келью «Страх» и больше не отпускал.

В чем причина и за что ему это?.. Царствие ему небесное.

Я не пугаю тебя, просто любовь к трансформаторной будке всегда заканчивается трагедией. Люби на расстоянии или подружись с опытным электриком.

*Закладка между листами – «Сладка Иисусов молитва, как мед на лезвии бритвы».

Тебе придется пройти через страдания, которые ты причиняла другим и те, которые причиняли тебе. Пройти через преграды, о которых даже не догадываешься. Что ждет тебя дальше? Неизвестность. Это совсем не романтично, да что я говорю, вспомни хотя бы «Солярис» С. Лема. Диалоги Криса с Гибаряном. Да, это литературное произведение, которое нельзя сравнивать с реальностью, и все же и все же...

*Приписка от руки – «Если нет противоядия, пейте яд».

Какой-то патриарх, то ли первый то ли третий, какого-то из многих направлений буддизма, я уж и не помню какого, сказал в конце своей единственной сутры: «Слова! Путь лежит за их пределами...».

Знаешь, сейчас я более и более прихожу к мысли, что попытки прорваться в Мир Божий через «исихазм», «Иисусову молитву» это всегда иллюзия, это всегда интерпретации нашего

обыденного сознания, которое стремится просто вырваться из клетки, которую мы построили с таким старанием и любовью. Если говорить о практике исихазма, то мы на развалинах «Умного делания» и под развалинами множества фальсификаций и плагиата.

Как в этом разобраться? Не знаю. Но спасение в практике...

Обрывок дневника (Автор неизвестен)

**Москва.
23 февраля.
1979г.**

...все же. Что так угнетало меня? Это не *catastrophe de l'âme russe*, как ты пишешь. Был момент, когда я почувствовал себя белой лабораторной мышкой в Лабиринте. Что делать? Перестать вести себя как та белая загнанная тварь, которая нажимает на рычаг и получает кусочек сахара, если делает правильный ход?.. Мне бы хотелось выбраться из этого Лабиринта, из непредсказуемого подсознания, законов и правил социума и посмотреть, как этот Лабиринт работает, увидеть эту среду обитания...

Что же придется мне увидеть? Может быть, ужасных джинов из арабских сказок, стражей, один вид которых повергает в оцепенение волю, сознание и сводит с ума? Летунов, не позволяющих перейти Мост? А может, торжественное собрание учителей человечества?..

Или электронных заместителей-синтетиков, поставленных на «кормление» какой-то сложной программой, не предназначенной для нашего разума? Или приводящую в отчаяние тупую простоту механизма, слепо работающего без присмотра?.. Вертятся колесики, двери открываются и закрываются и паровозик все двигается и двигается по кругу без остановок. И песочные часы некому переверачивать. Нет Хозяина. Уволился, ушел, исчез, а может быть, его никогда и не было?..

Но Игра продолжается. И поскольку число вариантов и факторов, влияющих на выбор вариантов очень велико, невозможно создать даже какую-то, пусть даже простую математическую модель «жизни» и принципа действия этого Лабиринта. Может быть, это какой-то исследовательский полигон, где я лишь орудие для поиска ответов, не подвластных моему уму?

*Закладка между листами – «Очень трагично, когда осы вторгаются в твой мир».

Но если ты преисполнилась страха и отчаяния, а полеты с Эйфелевой башни не для тебя, то в этой ситуации остаются только два варианта: первый – «бежать», второй – «воевать». Так или иначе, сценарии могут быть разные, а суть всегда одна. Если ты решила воевать, не приведи Господи, то тебе не помогут ни «Партизанская война» товарища Че Геварры, ни записки офицеров Вермахта, ни «главные сутры» Ошо. И, тем более, не опыт «кидалок-зажикалок» и «догонялок-убегалок»...

*Закладка между листами – «Эти резкие девчонки из Сорбонны!».

Помни, всегда будут, примерно, три степени «облома» – (*le cul*) или «типа того». Первый, это локальные бои в Лабиринте или бои местного значения, очень похожие на игру в поддавки, когда «визави» всегда прав. Второй, полномасштабная война, где ты будешь всегда в проигрыше с последующей отправкой в лазарет или «психушку». И третий, оккупация с несомненным порабощением и уничтожением тебя как личности.

Итак, вкусив плоды начальной стадии войны, ты должна включить здравый смысл или погибнуть, погибнуть за идею, за принцип, за могилы предков... в общем, как девушка мыслящая, сама придумаешь за что. С мысли, что ты умнее всех и легко обойдешь все преграды, обычно начинаются проблемы. Остается только одно – «бежать». Ибо плановый отход, смена позиций это только самообман, ухудшающий ситуацию до катастрофы. Сдача в плен не рекомендуется... вредно для здоровья, здесь пленных не берут.

Но учти, должно быть понимание очень важного условия, которое ты не должна забывать: никакой паники, только здравый смысл и расчет, что само по себе уже успокаивает.

Бегство, это еще не конец света. Несвоевременный маневр – «а не свалить ли куда подальше и сейчас, вот только лапти надену и...» или «Вот запрыгну в трамвай и уеду далеко, далеко...» может стоить тебе жизни. Не суетись, не паникуй и смотри, «кто стреляет», а главное зачем, благо примеров будет предостаточно. И никаких попутчиков и попутчиц. В противном случае будешь обречена. А на предложения уходить вместе – «потому как это сподручнее, мол, отбиваться вместе сто пудов легче» – никак не реагировать, а глаза в землю и рывок как на стометровке в честь Тезоименитства Его Императорского Величества или его Первого Секретаря Величества. Но это так, немного здравого цинизма.

Эта огромная система Лабиринта не хочет, и не будет работать иначе. Не будет работать для добра – добра понятного нам! Вероятно, у него даже есть оно, но это его добро и его любовь.

*Закладка между листами – «Аки тать в нощи», «Аки лев рыкающий»?

Хочет ли Лабиринт кому-то помочь? Нет. У него нет понятий «помощь», «дружба». Знаешь, как Лабиринт называет людей? – «дасью». Старожилы говорят, что Ему чужды многие проявления человеческой самости...

И все эти связи, щупальцы – нити, неизвестно какого хозяина, задействованные на нашу реальность, на нашу жизнь и решающие – «что, где и когда», посредством непонятных нам инструментов влияния, которые мы называем по глупости то причинно-следственными связями, то судьбой, то воздаянием за грехи.

Лабиринт выдает нам теневые программы, «три-камуфляжи» а-ля Ж. Валле, потому что они действуют весьма эффективно и глубоко и по сегодняшний день. Особенно восторженным он посылает прекрасных сильфид; христианских девственниц – мечту суровых и бесстрашных рыцарей с кровавым крестом на груди; мудрых светловолосых «олли»...

Самонадеянность и алчность ума от магов Магриба до современных садху, «торчащих» в подворотнях Питера и Москвы, ты всегда востребована...

Из дневников отца Алипия

Дневник. 1988 г.

...Когда солнце клонится к закату и одинокий путник преисполняется бодрости в надежде найти приют к ночи, не подозревая, что впереди у него Ночь бытия, так и я грешник, в сединах одряхлевший все надеюсь отсрочить встречу со Господом. И не знаю ни срока, ни места своей кончины.

И сподобил меня Господь стать невольным свидетелем дел, явленных в N-ском монастыре по Его Святой воле. И возжелал я описать то, что видел и слышал, пребывая в младых летах.

Написал я эти строки и пришел в некоторое недоумение. Это ли я, этими ли словами я разговариваю, молюсь. Нет, не мое это все, не мое! Вот и отец Кирилл выговаривал мне: «Ты, брат Алипий, лучше своими словами излагай, а то черте-что несешь, прости Господи, и сам не понимаешь что». Хороший человек был отец Кирилл, душевный. Помню, на Вечерней я ему часто в алтаре прислуживал. Так он, когда я ему уголек разожгу и в кадило положу, перед «Честнейшую херувим», говорит: «Иди-ка ты брат Алипий, благословясь, по своим делам, не нужен ты мне здесь. Иди с Богом...»

Надо здесь сказать, что «Алипий» это как бы прозвище для меня. Так одного монаха иконописца звали. А ко мне оно прилепилось за мое сильное желание научиться иконы писать. В свое время я очень досаждал настоятелю, – направь, да направь меня иконописному делу учиться. Учиться так и не получилось, а прозвище прилепилось. С тех пор меня и по имени перестали называть. Ну, а когда постриг принимал, попросил дать мне имя монашеское – Алипий.

А как хорошо было на Вечерней! В монастыре тишина, в храме ни души – благодать, да и только. Выйдешь из храма, присядешь на камень и смотришь на закатную сторону на озеро, и такой в душе покой и умиротворение, не описать. Сторона то северная, тихая, ... но редко такое умиротворение выпадало.

Вначале мне трудно было. Я не о трудах телесных – просто не понимал я ничего. То есть вот, видишь людей, как они общаются, что делают, а смысла не улавливаешь. Зачем все это? Зачем кланяются друг другу, зачем на «Пятисотнице» лбы о каменный пол «расшибают», встают ни свет ни заря. Это надо же, в пол шестого подниматься!

Зимой и не умоешься по человечески. Если чуркой какой-нибудь лед в умывальнике не разобьешь, чтобы лицо умыть, то по дороге снегом умываешься. А зимой то идти на Пятисотницу ох тяжело – темно, холодно, сугробы по сторонам тропинки с твой рост.

И что меня поначалу удивляло – и молодые и старые не пропускали молитвы. Казалось бы, и болен человек, а идет к утренней молитве. Это уж я потом, на собственном опыте понял – если стоишь на ногах, лучше идти. И трудно будет и тяжело – но выстоишь молитву, обязательно выстоишь. Вернешься в келью, уже легче станет и тогда на поправку пойдет, день другой и здоров. А вот если попустить себе, то худо будет. Можно и неделю болеть... такие вот братья, «чудеса».

Приходим в храм, там темно, лишь одна маленькая свечка горит у Царских врат, а холодно – зимой ведь храм почти не отапливается – не дай бог. По обычаю встали, каждый на свое место. Сначала, оглядишься, подсчитаешь, сколько человек на молитве стоит и сколько каждому по четкам надо откладывать. В наше время компьютеров не было, в уме надо было считать. На переходе от «Господи...» к «Пресвятая...» и дальше надо не сбиться... Конечно, бывает и такое. А хоть и холодно, но валенки не оденешь и тулуп тоже, а то будешь на земных поклонах, как колобок по полу кататься. Четки из кармана достать, а у меня вязаные были, крепкие, как говорят в миру – «рабочие четки». Потом подрясник спереди поддернуть, это что бы во время земных поклонов, на него не наступить, а то кувыркнешься или подол порвешь. Да и другие конфузы бывают.

На моей памяти, когда от «Господи...» к «Пресвятая Богородица, спаси...», вдруг, «цок-цок-цок»... посыпались бусы от четок у брата Андрея.

Старался брат – нитку витую шелковую где-то достал, наверно из самого «Ындейского царства» – «ындейского чермного, доброго шелку». А уж бусины собирал – «яхонт к яхонту, лал к лалу, а винис и бирюзы не счесть». Выпрашивал, вымаливал, на коленях стоял у московских. А когда сделал, да на левое запястье надел, как у Владыки в праздничные дни, расцвел наш Андрей, даже лицом просветлел. Будто ему после причастия не четвертинку просфоры дал отец эконоом, а целых две.

Отца Андрея я знал мало. А Саша рассказывал о нем, что пришел он в монастырь, и как-то сразу стал вызывать насмешки. Как говорится, в каждом стаде своя овца найдется. В волчьей стае своя овца и в стаде баранов своя.

Очень хотел брат Андрей на монашескую стезю вступить, подвиги совершать, венцы зарабатывать и быть в почете у братии. Но как то все «косо» у него выходило и «откровенно», ну не натурально, фальшиво. А человек был незлобивый, добрый, но очень обидчивый.

И вот, горе то какое. Бросился, было, брат Андрей бусины собирать, а нельзя, молитва братская идет. Вот так и стоял до конца Пятисотницы. А закончилась молитва, пополз брат Андрей по полу. Ищет, куда закатились бусины, слезы рукавом подрясника вытирает, соплями шмыгает, причитает что то, только и разобрать: «Господи, Пресвятая Матерь... не покинь... На тя...». Собрались мы в трапезной на обед, уж и «Жития» Дмитрия Ростовского дочитал положенное чтец, а брата Андрея нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.